

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**КУЛЬТУРА КАК СИСТЕМА
В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ:
ОПЫТ ЗАПАДНО-СИБИРСКИХ
АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ СОВЕЩАНИЙ**

*Материалы XV Международной Западно-Сибирской
археолого-этнографической конференции*

Томск, 19 – 21 мая 2010 г.

УДК 39 + 902/904] (P571)

ББК 63.4 + 63.5

К 90

К 90 Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. – Материалы XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. – Томск: Аграф-Пресс, 2010. – 506 с.

ISBN 978-5-98693-026-8

В сборнике публикуются материалы XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. В статьях рассматриваются пространство, время, этнос как основные координаты культуры, содержательная характеристика культуры (компоненты культуры, система жизнеобеспечения, социо-нормативная деятельность, символика культуры), этнокультурное взаимодействие народов региона от палеолита до современности, принципы, подходы, методика междисциплинарного синтеза.

Для археологов, этнографов, антропологов, лингвистов, историков, культурологов, музеологов.

УДК 39 + 902/904] (P571)

ББК 63.4 + 63.5

Редакционная коллегия:

Д-р ист. наук М.Ф. Косарев, д-р ист. наук А.И. Мартынов, академик РАН, д-р ист. наук В.И. Молодин,
д-р ист. наук О.М. Рындина, Л.В. Чёрная (тех. секретарь), д-р. ист. наук М.П. Чёрная (отв. редактор),
д-р ист. наук Л.А. Чиндина

Рецензент – д-р ист. наук В.Ф. Старков

Сборник подготовлен и издан при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда, проект № 10–01–14059г

ISBN 978-5-98693-026-8

© Коллектив авторов, 2010,

© Томский государственный университет, 2010

Торговцы хотели получить за свои товары соболиные шкурки, мускус кабарги, бобровую струю. Упоминают источники и рог Хуту, вероятно, рога марала или лося. Мускус, знаменитая кабарожья струя, дорого ценился в Средней Азии и Китае. За мускусную железу взрослого зверя в XVIII в. давали 15 рублей золотом. Известна была кабарожья струя еще в V в. Арабские врачи считали мускус драгоценным лечебным средством. Не менее дорога и полезна «бобровая струя», ценившаяся в четыре раза дороже бобровой шкуры, которая в свою очередь была в четыре раза дороже шкуры соболя. Соболиная шкура была достаточно дорога: стоимость шкурки соболя в Москве в XVII в. сопоставима с годовым денежным жалованьем служилого человека.

Возможно, на обмен предлагались и другие вещи: береста, дёготь, лекарственные растения, шерсть, шкуры скота. Но эти категории товара не стоили того, чтобы снаряжать за ними специальные далёкие экспедиции.

Монгольские завоевания и объединение значительной части территории Евразии в составе единой монгольской империи облегчили возможности торговли, укрепили безопасность путешествий и, возможно, избавили от части «транзитных поборов». Мусульманские купцы оказали определённые услуги монголам в ходе завоеваний, поэтому они пользовались привилегиями, что позволило им расширить свои торговые операции в Монголии и Южной Сибири. С XIV в. крупнейшие торговые пути в Западную Сибирь были монополизированы бухарцами. Бухарские купцы вели оживлённую торговлю во всех направлениях. Как и прежде, они ввозили на территорию Западной Сибири шёлк, дабу, парчу, хлопчатобумажные ткани, металлическую, стеклянную, фарфоровую и лаковую посуду, бронзовые зеркала, украшения. Из Южной Сибири купцы по традиции вывозили меха пушных зверей. Традиционные торговые пути использовались вплоть до XVIII в.

С XVII в. торговля велась уже в русских городах, в которых были открыты специальные «бухарские дворы» и возникли бухарские диаспоры, основным занятием которых было обеспечение торговых операций. Согласно О.Н. Вилкову, бухарцы продавали в Сибири 47 видов среднеазиатских товаров, кроме того, они выступали посредниками и в торговле русских купцов с Китаем (12 видов товаров) и ойратами, откуда на русские рынки поступало 14 видов мехов, 8 видов скота, 4 сорта шкур, конские арканы и ясыри (1987, с. 179–180). Караваны приходили в Сибирь из Бухары практически ежегодно. Бывало и по несколько караванов в год.

По мере укрепления в Сибири Российского государства отечественные торговые люди, постепенно вытесняют среднеазиатских торговцев из Сибири и берут в свои руки торговлю с Китаем, казахской степью и Средней Азией.

Л.Д. МАКАРОВ

Россия, Ижевск

Удмуртский государственный университет

РУССКАЯ КУЛЬТУРА В ПРИКАМЬЕ: ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Русская культура – явление многогранное и многоплановое. Усилиями историков, филологов, этнографов её особенности исследованы достаточно всесторонне на материалах второй половины II тыс. н.э., включая и территорию Прикамья. Более ранний период изучают преимущественно историки и археологи, исследующие этнокультурное ядро Древней Руси. Её восточная периферия, в силу слабой обеспеченности письменными источниками, является, в основном, объектом внимания археологов.

Древнерусские материалы Прикамья, в отличие от финно-угорских или тюркских, исследованы неравномерно и преимущественно отрывочно. Специальных работ, посвящённых древнерусским находкам, относительно немного, а археологов, изучающих их, и того меньше. Так, соответствующие древности Нижнего Прикамья (а это северо-восток Волжской Болгарии) исследовали А.П. Смирнов, Т.А. Хлебникова, М.Д. Полубояринова, Е.П. Казаков, Ф.Ш. Хузин, С.И. Валиуллина, К.А. Руденко, И.В. Якимов, Л.Д. Макаров. Древнерусские памятники Вятской земли изучали Л.П. Гуссаковский, И.И. Стефанова, Л.Д. Макаров, Л.А. Сенникова, Н.А. Лещинская, В.В. Ванчиков, Н.Е. Соколова и И.Ю. Трушкова, Е.А. Кошелева.

Аналогичные древности в чепецкой культуре выделяют М.Г. Иванова, А.Г. Иванов, Л.Д. Макаров, Д.А. Салангин. Ранние русские поселения и находки Верхнего Прикамья характеризовали О.Н. Бадер, В.А. Оборин, В.Ф. Генинг, В.А. Шмыров, А.Ф. Мельничук, А.М. Белавин, П.А. Корчагин, Г.А. Бординских, Г.П. Головчанский, Л.Д. Макаров. Крайне разрозненные славяно-русские материалы Юго-Восточного Прикамья (бассейн Сылвы, Среднее Прикамье, бассейн Белой) собраны и проанализированы Л.Д. Макаровым. Им же представлена обобщённая характеристика древнерусских археологических материалов Прикамья (Макаров Л.Д., 2006а).

Вопросы исследования русской культуры Прикамья в той или иной степени рассматривались перечисленными авторами, а также историками, использовавшими результаты археологических раскопок. Развитию русской культуры в нашем регионе, равно как и в других ареалах русского этноса, были присущи свои особенности, обусловленные рядом обстоятельств.

Первым следует назвать географический фактор (Макаров Л.Д., 2008). Северная половина Прикамья (верхнее и среднее течения Вятки, Чепца, Верхнее Прикамье) занимает подзону южной тайги с её значительной заболоченностью, повышенной влажностью, среднегодовыми низкими температурами, близкими к нулю, длительными морозным периодом и снежным покровом. Следствием является весьма короткий вегетативный период, что в условиях малоплодородных подзолистых и болотистых почв делает земледелие рискованным. Это предопределило важную роль в хозяйстве животноводства, охоты, рыболовства и собирательства, а также развитие ремёсел, солеварения, торговли.

Южная половина региона (нижнее течение Вятки, Нижнее и Среднее Прикамье, бассейны Сылвы и нижнего течения Белой) охватывает подзону широколиственно-хвойных лесов с участками остепнения, переходящими к югу в

подзону лесостепи. Эта территория характеризуется более высокими среднегодовыми температурами, меньшими морозным периодом и снежным покровом, меньшей влажностью и более плодородными дерново-слабоподзолистыми, дерново-карбонатными и серыми лесными почвами, а в лесостепной подзоне – более засушливым климатом и чернозёмными почвами. Данные условия весьма благоприятны для развития зернового земледелия и мясомолочного животноводства (Природа Удмуртии, 1972, с. 132–178; География Удмуртии, 1992, с. 92–103).

Отмечу, что географическая составляющая вряд ли оказывала прямое воздействие на особенности функционирования русской культуры в Прикамье. Тем не менее её необходимо учитывать при рассмотрении русской колонизации отдельных районов изучаемой территории. Более благоприятные природные условия в первую очередь и привлекают внимание переселенцев. Поэтому неудивительно, что именно в Нижнем Прикамье и Среднем Поволжье еще во II–IV вв. н.э. появились первые праславяне из днепровского бассейна, занявшие слабозаселенные земли и оставившие многочисленные памятники именковской культуры конца IV–VII вв. Под натиском тюркских и венгерских кочевников на рубеже VII–VIII вв. они, в основном, мигрировали в Днепо-Донское междуречье (Матвеева Г.И., 1981; 1988; Седов, 2002, с. 245–255), но какая-то их часть осталась на месте и влилась в состав полиэтничного населения Волжской Болгарии (Семыкин, 1996; Седов, 2001; 2002, с. 254–255). Поэтому появление здесь русов и славян из Южной Руси в X–XI вв. вполне закономерно (Кляшторный, 2006; Макаров Л.Д., 2006б, с. 325–326). Особенностью расселения в Нижнем Прикамье выходцев из Древней Руси является их внедрение и последующая адаптация в социальные и общественные структуры формирующегося полиэтничного государства Волжская Болгария. Славяно-русское население здесь было в количественном отношении небольшим, но весьма заметным, о чём говорят соответствующие находки, обнаруженные на 86 памятниках Нижнего Прикамья (Макаров Л.Д., 2006а, с. 7).

Территория Северного Прикамья осваивалась во второй половине – конце XII в. (Средняя Вятка и Чепца), либо с XIII в. (Верхняя Кама). Непростые природно-климатические условия, осложнённые отсутствием хорошо налаженных транспортных магистралей и враждебным окружением, стали причиной значительной изоляции Вятской земли и складыванию здесь народоправства, но не новгородского типа, а своего – вятского, в значительной степени военизированного. На вече избирался глава исполнительной власти – земский воевода (в других землях он был главой земского ополчения и избирался для участия в боевых действиях (Майоров, 1994)), в его подчинении находились ватаманы и подвойские. Формально Вятка имела сюзерена – великого князя: в середине – конце XIV в. (до этого она была «ничейной» территорией) – Нижегородского, затем (до 1428 г.) – Владимирского, после этого Галицкого, а с середины XV в. – Московского (Макаров Л.Д., 1994; 2006в).

Верхнее Прикамье, несмотря на отдалённое местоположение, имело более удобные транспортные пути, поэтому ранее Вятки попало в орбиту экспансии Русского государства: в XI–XIII вв. оно было даннической территорией Новгорода Великого. В конце домонгольского – начале золотоордынского периодов сюда начинается инфильтрация русского и коми-зырянского населения, а массовое заселение русскими этого региона наблюдается в конце XIV – начале XV в. Судя по всему, здесь предположительно начинает складываться раннефеодальное народоправство «Пермь Великая – Чердынь» (так оно иногда обозначалось на картах и в летописях), что прямо связано с новгородскими истоками великопермской государственности. Однако во второй и третьей четвертях XIV в. на Верхнее Прикамье начинают претендовать московские князья, а Дмитрий Донской окончательно закрепляет его за Московским великим княжеством (Оборин, 1990, с. 70–72). В 1451 г. Василием II на Пермскую землю был направлен наместник Михаил Ермолич «от роду верейских князей» (Вычегодско-Вымская..., 1958, с. 261), чем оформляется удельное Великопермское княжество, просуществовавшее до 1505 г.

Остальные регионы Прикамья стали заселяться русскими людьми в золотоордынский период, но делать какие-то определённые выводы по этому поводу, ввиду малочисленности источников, пока рано.

Помимо географического и политического факторов на развитие русской культуры Прикамья оказывала культура аборигенного населения. В Северном Прикамье – это пермские народы – коми и удмурты (на Чепце также бесермяне и татары); в южном (помимо удмуртов и коми) – тюрки-мусульмане (татары и башкиры), а также относительно небольшие диаспоры из числа угров (манси), поволжских финнов (мари и мордва), православных тюрков (чуваши, кряшены). Русская культура заимствовала у местных диаспор их этнокультурные особенности в бытовой, производственной, духовной сфере, в свою очередь основательно влияя (порой кардинально, вплоть до аккультурации) на аборигенную культуру. Как показывают источники, взаимодействие это развивалось стихийно, но при доминировании русской составляющей, типологически находящейся на более высокой ступени развития. Кроме того, русское правительство и православная церковь, особенно в XVIII–XIX вв., объективно были заинтересованы в усвоении «инородческим» населением русской культуры и христианского вероучения. Они предписывали проводить просвещение и миссионерскую работу, особенно со второй половины XIX в. (система Н.И. Ильминского), путём уговоров и убеждения, поскольку насильственные меры и экономические санкции, которые нередко использовались на местах, положительных результатов практически не приносили. Возвращаясь к начальным страницам русской колонизации региона, можно отметить, что иноэтничное окружение или соседство влияли на культуру русского населения Прикамья, которое порой приобретало явно чужеродные элементы, воспринимаемые уже как традиционные (Оборин, 1990, с. 93–135; Голдина, 1999, с. 334–342; 370–374; Макаров Л.Д., 2002). В отечественной исторической науке сложилось представление о славяно-финском культурном синтезе, как факторе влияния на процесс феодализации у народов иноязычной периферии, находившихся на дофеодальной стадии развития, испытывавших воздействие общественных структур Древней Руси. При этом выделено три варианта синтеза: активный, уравновешенный, замедленный (Кизилов, 1984, с. 24–25). В Прикамье наблюдался уравновешенный синтез в Верхнем Прикамье и Вятской земле, а вот на Чепце, находившемся на периферии этих земель, явно наблюдался замедленный синтез, поскольку она не была столь активно связана с русскими землями (Макаров Л.Д., 2005, с. 129–132).